

имеющихся публикаций в данной области освещаются отдельные методологические аспекты исследования метафоры через призму интегративных процессов. Приводятся аргументы в пользу того, что лингвометафорология на современном этапе ее развития характеризуется интегративностью.

Ключевые слова: лингвометафорология, метафора, методология, интегративные тенденции.

Izyumtseva A. V. Linguometaphorological research modern paradigm: integrative tendencies.

The article deals with the topical issues of methodological fundamentals of the linguometaphorological research modern paradigm. Linguometaphorology is a new actively growing scientific discipline that emerged through advances in linguistics of the XXI century. It is a new integrative direction of linguistics; its theoretical and methodological base is still being developed. The analysis of the main publications in this direction highlights the main methodological aspects of the metaphor research in the light of integrative processes. However, since differential process, as a dialectical opposite of integrative process, also finds its way in modern research of metaphor, it makes sense rather to speak of integrative-differential processes with integrative process as a dominant one. Within the framework of the research study a metaphor is understood as an integrated mental-verbal construct that at the same time is a result of a mental-verbal activity of a man. The findings reveal the role of cross-disciplinary complex approaches to the study of metaphor, and significance of holistic principle of knowledge representation; suggest that methodological base undergirding modern linguometaphorological research is typified by integrative tendencies. This leads to methodological synergy and increases heuristic potential. Integrative study of methodological fundamentals of modern linguometaphorological research will contribute to the formation of its theoretical and methodological base as an independent scientific discipline.

Keywords: linguometaphorology, metaphor, an integrated mental-verbal construct methodology, theoretical and methodological base, the holistic principle of knowledge representation, integrative tendencies.

Д. А. Колодько
Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова

СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПАРТИТИВНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена исследованию способов выражения категории партитивности в русском языке. Наличие функционально-семантического поля партитивности свидетельствует о множественности способов репрезентации данной категории. Анализируются грамматические, лексические и деривационные способы выражения партитивности. Определена структура функционально-семантического поля партитивности, выделены ядро, околядерная и периферийная зоны. Выявлены единицы разных языковых уровней, образующие эти зоны. Особое внимание уделяется семантической классификации меронимов.

Ключевые слова: партитивность, меронимия, холо-партитивные отношения, холоним, партоним.

Все реалии окружающей действительности связаны друг с другом. Эта связь находит свое отражение в тех или иных языковых категориях.

Понятие “категория” (от др.-греч. *Κατηγορία* – высказывание, обвинение, признак) ввел в научный обиход Аристотель. Он рассматривал сущность, количество, качество, отношение, место, время, положение, состояние, действие и претерпевание как понятийные категории, представляющие собой замкнутую систему дискретных элементов сознания – концептов [1].

В настоящее время разного рода категории изучаются в рамках многих наук, в том числе и лингвистики. “Исключительная ценность этого понятия для всех наук и научного мышления не может быть поставлена под сомнение” [7, с. 45].

Языковая категория – в широком смысле – любая группа языковых элементов, выделяемая на основании какого-либо общего свойства; в строгом смысле – некоторый признак (параметр), который лежит в основе разбиения обширной совокупности однородных языковых единиц на ограниченное число непересекающихся классов, члены которых характеризуются одним и тем же значением данного признака (например, “категория падежа”, “категория одушевленности/неодушевленности”, “категория вида”, “категория глухости/звонкости”) [9].

Для каждого стратума языка характерны свои категории – фонетические, лексические, словообразовательные, морфологические, синтаксические и т.п. Особое место среди них занимает категория *партитивности* (от англ. *part* – “часть”). Фундаментальной основой для ее исследования стали работы Э. Гуссерля, Ч. Пирса, Э. Сепира, Р. Чаффина, О. Есперсена, Д. Дугласа, М. Винстона, А. А. Зализняка, А. В. Бондарко, И. И. Мещанинова, В. З. Панфилова, А. В. Акуленко, О. В. Горбуновой, Г. В. Ситар, З. И. Комаровой, А. С. Дедюхиной, Н. С. Рыжук, А. Н. Коржук и др., которые выполнены на материале английского, немецкого, русского, украинского и других языков. Анализу собственно языковых средств выражения партитивности посвящены исследования Ю. Д. Апресяна, Д. А. Круза, С. А. Крылова, Е. В. Рахилиной и др. Однако, несмотря на пристальное внимание ученых к данной языковой категории, сведения о способах ее репрезентации в языке носят фрагментарный характер и требуют дальнейшего уточнения. Вышесказанное определяет актуальность нашего исследования, **цель** которого – выявление языковых средств выражения категории партитивности в русском языке.

Категория партитивности как средство вербализации универсальных понятий “части” и “целого” представлена языковыми единицами разных уровней, которые образуют функционально-семантическое поле партитивности на основе выполняемой ими функции: обозначение отношения “часть – целое” или *часть чего-то* по отношению ко всему

многообразие предметов и явлений объективной действительности [12, с. 27]. *Партитивность* трактуется как универсально-лингвистическая категория, связанная во всех языках мира с одной из неотъемлемых сторон бытия, “пронизывающая всю систему языка, и его лексику, и его грамматику” [11, с. 234].

Несмотря на всеобъемлющий характер, в лингвистике партитивность изначально изучалась в разделе грамматики: *партитив* как частичный (разделительный) падеж в финно-угорских языках (Г. М. Керт, А. Лаанест и др.), так называемый “родительный частичный” в славянских и германских языках (О. Есперсен) и т. п.

Как отмечает М. А. Останина [12, с. 15], ядро функционально-семантического поля партитивности представлено грамматической категорией, а именно формой родительного падежа. В ряде языков наряду с родительным существует партитивный падеж. Выделение второго родительного падежа (частичного, или партитивного) в русском языке вызвало многочисленные дискуссии среди лингвистов. Так, в Грамматике-80 [14, с. 483–530] примеры *пачка чаю / пачка чая, дай мне чаю / дай мне чая* рассматриваются как варианты родительного падежа. Но существует и иная интерпретация данных форм – как различных падежей современного русского языка: первого родительного, второго родительного (партитивного падежа) и счетного (этот падеж выступает в соединении с сегментами *два, две, оба, обе, полтора, полторы, три, четыре: два ресторана, три ряда* и т. п.) [4, с. 44–48]. А. А. Зализняк обосновывает выделение падежа со значением партитивности тем, что последний обладает самостоятельными формальными показателями – особыми флексиями или же акцентными различиями и “приводит к более простому построению парадигмы” [там же, с. 48]. Так, сегменты *чай* и *чаю* обозначают во фразах *дай мне чай* и *дай мне чаю* один и тот же предмет, находящийся в разных отношениях к действию передачи: в первом случае это действие распространяется на весь предмет, а во втором – только на его часть (иначе говоря, мы имеем здесь дело с разными состояниями одного и того же предмета). Следовательно, в русской грамматике наряду с основным можно выделить второй родительный, или партитивный, падеж, “имеющий количественно-разделительное значение” [13, с. 309–310]. По определению И. А. Мельчука [10, с. 255], русский партитив – это типичный *частичный* падеж. Слово в этом падеже обозначает часть, вычленяемую из целого.

Специфика второго родительного состоит в том, что “целое мыслится как совокупность качественно однородных частей, которая может члениться произвольным образом; иначе говоря, речь идет о части какой-то субстанции” [16, с. 12]. Второй родительный падеж оказывается маркированным по отношению к первому. Значение первого родительного

более общее, а второго – специальное. В основе противопоставления первого родительного и второго родительного падежа лежит противопоставление количественной и качественной характеристики [там же, с. 16]. Так, например, выражение *недостаток чаю* непременно означает количественный недостаток, если же слово *недостаток* относится к качеству, мы должны сказать *недостаток чая* [там же, с. 15]. Качественная характеристика формы второго родительного *чаю* выражается опосредованно – через отношение к форме *чая*.

Образование второго родительного возможно от существительных, в семантике которых присутствует идея количества. Итак, можно констатировать, что слова, имеющие второй родительный падеж, в принципе, обозначают нечто, чего может быть много или мало. Вместе с тем, это обычно слова, выражающие идею множества, которое не распадается на отдельные объекты, но может произвольно члениться на субстанционально однородные части так, что любая часть множества оказывается качественно однородной целому [16, с. 18]. К таким относятся, прежде всего, лексемы с *вещественным* (серебро, золото, металл, стекло, мрамор, фарфор, суп, тесто, варенье, компот и др.) и *собирательным* значением (народ, сброд, студенчество, команда, класс, хор, ансамбль, балет и др.); слова, обозначающие *абстрактные* понятия (*визг, крик, холод, мороз, долг, доход, штраф, бред, вздор, толк, юмор, порядок, риск, лоск, шик* и т. п.). То есть слова, имеющие форму второго родительного падежа, преимущественно обозначают некую субстанцию. О. Есперсен называл их “обозначения массы”: “Они могут быть либо вещественными и обозначать вещество независимо от его формы (например, серебро, ртуть, вода, масло, газ, воздух и т. п.), либо невещественными (например, досуг, музыка, движение, успех, такт, здравомыслие)” [3, с. 229].

В настоящее время сфера употребления партитива весьма ограничена. Количественно-родительный падеж считается принадлежностью разговорного стиля речи [8, с. 182].

Лексическими средствами выражения категории партитивности являются слова, в значении которых выделяется сема ‘часть’: *половина* ‘одна из двух равных частей, вместе составляющих целое’; *четверть* ‘одна из четырех равных частей’; *центр* ‘срединная и главная часть чего-либо’; *кусок* ‘отдельная часть чего-либо (отломанная, отрезная)’; *делить* ‘разъединять на части, распределять’; *рубить* ‘ударяя чем-либо острым, разделять на части, отсекав, размельчать’; *простой* ‘элементарный по составу, однородный, не содержащий многих частей’ и т. д.

Кроме того, в лексикологии и семасиологии в рамках семантических полей рассматривают партитивные (холо-партитивные, меронимические) семантические корреляции лексем. Их изучение ведется с учетом предметно-

логических связей реалий внеязыковой действительности. Как отмечает Н. А. Седова, “партитивные семантические связи в языке занимают такое же важное место, как и отношения по типу часть – целое в реальности” [15]. Несмотря на это, отношения части и целого еще недостаточно исследованы применительно к различным лексико-семантическим объединениям слов.

В лингвистике представлены различные типологии меронимов [5]: по типу связи между частью и целым (Р. Чаффин, А. Шелли); по форме, материи и расположению (Е. Ляйзи); по отношению части к признакам совокупности, массы, деятельности и пространства (Д. Круз); тематическая типология меронимов (Е. Материнская) и др. С тематической точки зрения, то есть с опорой на экстралингвистические факторы, наиболее полной нам представляется классификация Р. Чаффина, который выделяет такие группы коррелятов: 1) объект – компонент (*чашка – ручка*); 2) событие – характерная особенность (*родео – ковбой*); 3) объединение – член (*лес – дерево*); 4) масса – доля (*пирог – кусок*); 5) деятельность – стадия (*период взросления – юность*); 6) территория – определенное место (*лес – поляна*); 7) объект – материал (*линза – стекло*) [17, с. 263].

В пределах данной классификации с учетом семантики лексем можно выделить также несколько подтипов, например:

- **простой артефакт – его компонент** (*педаль велосипеда, ножка стула, ручка чашки, лезвие ножа* и т. п.);
- **комплексный артефакт – его компонент** (*циферблат телефона, экран компьютера* и т. п.);
- **реалии живой природы – компонент** (*бутон цветка, лист дерева, рука человека, глаз собаки* и т. п.);
- **событие – участник** (*актер спектакля, участник олимпиады, победитель соревнования* и т. п.);
- **территория – определенное место** (*участок земли, угол комнаты, задняя линия теннисного корта* и т. п.);
- **масса – доля** (*отрез ткани, ломоть хлеба, капля дождя, кусок пирога* и т. п.);
- **совокупность особей – ее представитель** (*ученик класса, капитан команды, студент группы, профессор кафедры* и т.п.) и др.

Как видим, меронимические сочетания состоят из двух компонентов – обозначения части (*партонима*) и названия целого (*холонима*). Отношения образующих их лексем строятся на семных взаимодействиях, однако категория партитивности находит свое выражение и на грамматическом уровне, на что указывает форма родительного падежа холонима.

Меронимические отношения могут эксплицироваться и в других предложно-падежных конструкциях, например:

– **компонент** – **объект** (*пуговица от пальто, бутылка с пробкой, туфли на каблучке, шнурки на ботинках* и др.);

– **событие** – **его характерная особенность** (*билет на экзамене, закуска на фуршетте, презентация на лекции* и др.);

– **совокупность предметов** – **ее составляющее** (*книга в библиотеке, дерево в лесу, буква в алфавите* и др.);

– **мера** – **ее составляющие** (*месяц в году, час в сутках, день в месяце* и др.);

– **территория** – **определенное место** (*аллеи в саду, оазис в пустыне, улица в поселке, область в стране* и др.);

– **объект** – **материал** (*луна из стекла, сумка из кожи, компот из ягод* и др.).

В данных партитивных сочетаниях использованы особые морфосинтаксические средства выражения значения 'часть целого', а сами они образуют околядерную зону функционально-семантического поля партитивности. К ней также можно отнести особый классификационный тип **группа** – **ее члены** (*свора собак, стая волков, отара овец, упряжка лошадей, стадо коров, рой пчел, армия гусениц* и т. п.), где в форме родительного падежа выступает партоним и наряду с партитивным актуализируется комплетивное значение.

Для некоторых меронимических конструкций характерна вариативность грамматических форм. Так, в рамках подтипа **произведение** – **смысловая часть** холоним может быть выражен именем существительным как в форме родительного (*развязка произведения, введение курсовой работы* и др.), так и в форме предложного падежа (*лирическое отступление в тексте, вывод в статье* и т. п.).

Категория партитивности может также выражаться деривационными средствами, а именно морфемами со значением 'часть чего-либо'. Данное значение имеют суффиксы отсубстантивных существительных **-ин/-инк-** (*картофель – картофелина, солома – соломина, хворост – хворостина; дождь – дождевка, снег – снежинка, трава – травинка, крупа – крупинка*) и **-ец-** (*хлебец, мармеладец*). Как отмечает С. А. Крылов, "в русском языке при образовании производных слов от вещественных существительных значение исходного слова связано с вещественностью, а производное со штучностью" [6, с. 47] (в семантической классификации меронимов названные лексемы представляют подтип **масса** – **частица** классификационного типа **масса** – **доля**).

К девербативам с партитивным значением относятся производные с суффиксом **-ок-**: *глоток, мазок, огарок, плевок* и др. Данные существительные мотивируются глаголами несовершенного вида и имеют количественное значение (*глоток* – "2. Количество питья или жидкой пищи,

проглатываемое при одном таком движении” [2, с. 209]; мазок – “2. Небольшое количество крови, гноя, слизи и т. п., нанесенное тонким слоем на стекло для микроскопического исследования” [2, с. 513]; огарок – “1. Остаток недогоревшей свечи” [2, с. 696]; плевок – “2. Выплюнутый сгусток слюны” [2, с. 840]).

К словообразовательным средствам репрезентации категории партитивности относится также глагольный префикс *недо-* (либо сочетание префикса *до-* и отрицательной частицы *не*). Производные с этим префиксом имеют партитивно-результативное значение и сообщают о действиях, которые не были доведены до конца (то есть какая-то часть этих действий осталась нереализованной): *недопить / не допить, недочитать / не дочитать, недоехать / не доехать, недоделать / не доделать* и т.п.

Таким образом, категория партитивности отражает структуру элементов сознания, систему мыслительных единиц и выражается в форме функционально-семантического поля; ядерная зона представлена грамматическими средствами – родительным и партитивным падежами; окооядерная – различными предложно-падежными конструкциями, а периферия репрезентируется словообразовательными, лексическими и фразеологическими средствами языка.

В дальнейшем предполагается более детальное изучение каждого из средств выражения партитивности на материале различных классификационных типов меронимов.

Л и т е р а т у р а :

1. *Аристотель*. Категории / Аристотель. – М. : Соцгиз, 1939. – 124 с.
2. Большой толковый словарь русского языка [Great Dictionary of Russian language] / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : Норинт, 2003. – 1536 с.
3. *Есперсен О.* Философия грамматики / О. Есперсен. – М. : Изд-во иностр. лит-ры, 1958. – 404 с.
4. *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение / А. А. Зализняк. – М. : Наука, 1967. – 372 с.
5. *Колодько Д. А.* К вопросу о классификации меронимов / Д. А. Колодько // Научные записки Национального университета “Острожская академия”. Серия “Филологическая”. – Вып. 51. – Острог, 2015. – С. 226–228.
6. *Крылов С. А.* Количество как понятийная категория / С. А. Крылов // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Индрик, 2005. – С. 44–65.
7. Краткий словарь когнитивных терминов / под ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Изд-во МГУ, 1997. – 245 с.
8. *Кузнецова М. В.* Изучение русских имен существительных в иноязычной аудитории / М. В. Кузнецова // Культура народов Причерноморья. – 2004. – № 54. – С. 179–183.

9. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
10. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 1. 4.1. Слово / И. А. Мельчук. – М. : Вена, 1997. – 176 с.
11. Мигирин В. Н. Грамматика, логика, философия в их связях и взаимодействиях / В. Н. Мигирин. – Кишинев : Инесса, 2002. – 256 с.
12. Останина М. А. Семантико-синтаксический анализ партитивных конструкций с наименованиями жидкостей на материале английского, русского и алтайского языков : дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.20 “Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание” / М. А. Останина. – Горно-Алтайск, 2011. – 253 с.
13. Розенталь Д. Э. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь, М. А. Теленкова. – М. : Астрель, АСТ, 2001. – 624 с.
14. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Наука, 1980. – 784 с.
15. Седова Н. А. Партитивы в тематическом пространстве “человек”: системно-парадигматический, функционально-прагматический и лингвокультурологический аспекты исследования / Н. А. Седова [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.univer.omsk.su/trudy/fil_ezh/n2/sedova.html.
16. Успенский Б. А. Часть и целое в русской грамматике / Б. А. Успенский. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 128 с.
17. Chaffin R. The concept of a semantic relation / R. Chaffin // *Frames, fields and contrast: new essays in semantic and lexical organization*. – Hillsdale; New-Jersey; Hove; London : Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1992. – P. 253–288.

R e f e r e n c e s :

1. *Aristotel. Kategorii [Categories]* / Aristotel. – М. : Sotsgiz, 1939. – 124 s.
2. *Bolshoy tolkoviy slovar russkogo yazyka* / gl. red. S. A. Kuznetsov. – SPb. : Norint, 2003. – 1536 s.
3. *Espersen O. Filosofiya grammatiki [Philosophy of grammar]* / O. Espersen. – М. : Izd-vo inostr. lit-ry, 1958. – 404 s.
4. *Zaliznyak A. A. Russkoe imennoye slovoizmeneniye [Russian nominal change]* / A. A. Zaliznyak. – М. : Nauka, 1967. – 372 s.
5. *Kolodko D. A. K voprosu o klassifikatsii meronimov [To the problem of classification of meronyms]* / D. A. Kolodko // *Nauchnye zapiski Natsionalnogo universiteta “Ostrozhskaia academia”. Seriya “Filologicheskaja”*. – Vyp. 51. – Ostrog, 2015. – S. 226–228.
6. *Krylov S. A. Kolichestvo kak ponyatiynaya kategoriya [Quantity as a conceptual category]* / S. A. Krylov // *Logicheskii analiz yazyka. Kvantitativnyy aspekt yazyka* / otv. red. N. D. Arutyunova. – М. : Indrik, 2005. – S. 44–65.
7. *Kratkiy slovar kognitivnyh terminov [A brief dictionary of cognitive terms]* / pod red. E. S. Kubryakovoy. – М. : Izd-vo MGU, 1997. – 245 s.

8. *Kuznetsova M. V.* Izucheniye russkih imen suschestvitelnyh v inoyazychnoy auditorii [Study of Russian nouns in a foreign language audience] / M. V. Kuznetsova // *Kultura narodov Prichernomorya*. – 2004. – № 54. – S. 179–183.
9. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Linguistic Encyclopedic Dictionary] / pod red. V. N. Yartsevoy. – M. : Sov. entsiklopediya, 1990. – 685 s.
10. *Melchuk I. A.* Kurs obschey morfologii [General morphology course] T. 1. 4.1. Slovo / I. A. Melchuk. – M. : Vena, 1997. – 176 s.
11. *Migirin V. N.* Grammatika, logika, filosofiya v ih svyazyah i vzaimodeystviyah [Grammar, logic, philosophy in their relationships and interactions] / V. N. Migirin. – Kishinev : Inessa, 2002. – 256 s.
12. *Ostanina M. A.* Semantiko-sintaksicheskiy analiz partitivnyih konstruktsiy s naimenovaniyami zhidkostey na materiale angliyskogo, russkogo i altayskogo yazykov [Semantic-syntactic analysis of partitive constructions with the names of liquids on the material of the English, Russian and Altai languages] : dis. ... kand. filol. nauk : spets. 10.02.20 “Srovnitelno-istoricheskoye, tipologicheskoye i sopostavitelnoye yazykoznanie” / M. A. Ostanina. – Gorno-Altaysk, 2011. – 253 s.
13. *Rozental D. E.* Slovar-spravochnik lingvisticheskikh terminov [Dictionary of linguistic terms] / D. E. Rozental, M. A. Telenkova. – M. : Astrel, AST, 2001. – 624 s.
14. *Russkaya grammatika* [Russian grammar] T. 1: Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovaniye. Morfologiya / pod red. N. Yu. Shvedovoy. – M. : Nauka, 1980. – 784 s.
15. *Sedova N. A.* Partitivy v tematicheskoy prostranstve “chelovek”: sistemno-paradigmatischeskiy, funktsionalno-pragmatischeskiy i lingvokulturologicheskiy aspekty issledovaniya [Partitives in the thematic space “man”: system-paradigmatic, functional-pragmatic and linguocultural aspects of the study] / N. A. Sedova [Elektronnyi resurs]. – Rezhim dostupa : http://www.univer.omsk.su/trudy/fil_ezh/n2/sedova.html.
16. *Uspenskiy B. A.* Chast i tseloe v russkoy grammatike [Part and whole in the Russian grammar] / B. A. Uspenskiy. – M. : Yazyki slavyanskoy kultury, 2004. – 128 s.
17. *Chaffin R.* The concept of a semantic relation / Roger Chaffin // *Frames, fields and contrast: new essays in semantic and lexical organization*. – Hillsdale; New-Jersey; Hove; London : Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 1992. – P. 253–288.

Колодько Д. А. Способи вираження категорії партитивності в російській мові.

Статтю присвячено дослідженню засобів вираження категорії партитивності у російській мові. Наявність функціонально-семантичного поля партитивності свідчить про різноманітність репрезентації цієї категорії в мові. Аналізуються граматичні, лексичні та словотвірні способи вираження партитивності. Визначено структуру функціонально-семантичного поля партитивності, виділено ядерну, насколадерну та периферійну зони. Виявлено одиниці різних мовних рівнів, що утворюють ці зони. Особливу увагу приділено семантичній класифікації меронімів.

Ключові слова: партитивність, меронімія, холо-партитивні відношення, холонім, партонім.

Kolodko D. A. Ways of expression of partitive category in Russian language.

In the article are investigated ways of expression of partitive category in the Russian language. The functional-semantic field of partitive category has been characterized; grammar, lexical and derivational ways of its manifestation in the language have been revealed; ways of expression of partitive category in Russian have been analyzed and have been reflected in the

semantic classification of meronyms. Due to our research meronymic relations were established between entities of different types: biological and physical objects, processes and actions, geographic regions, states and properties, collections and groups, abstract entities, etc. In this regard, the various subtypes were distinguished in the semantic classification of holonyms and paronyms, extra-linguistic and semantic features, which can be the basis of this classification, were identified. Meronyms as components of the lexical-semantic system were divided into groups. In our article the study of the category of partitive has been described in the different types of meronymic constructions. Describing some ways of expression of category of partitive in linguistics will contribute the theoretic aspect of nature of meronymic relations in Russian language.

Keywords: *partitive, meronymy, whole-part relations, holonym, paronym.*

Н. М. Кувшинова

**Национальный педагогический университет
имени М. П. Драгоманова**

ИЗУЧЕНИЕ НЕМЕЦКИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ЛИНГВОРУСИСТИКЕ

Языковое заимствование происходит вследствие более или менее тесных политических, торгово-экономических, научно-технических и культурных связей между народами, поэтому интенсификация межкультурных контактов способствует активизации иноязычных заимствований. Лингвистические исследования заимствований, в том числе немецких, начала XX в. носили преимущественно историко-хронологический характер: в них осуществлялось установление языка-источника, времени, условий и причин заимствования. Однако постепенно происходил переход от прикладного изучения разрозненных фактов к формированию общей теории заимствования – унификации терминологии, выявлению типов иноязычной лексики и описанию специфики ее освоения языком-реципиентом. Проведенное исследование базируется на фактических данных, полученных разными лингвистами, и результатах собственных наблюдений автора.

Ключевые слова: *лексические заимствования, лингворусистика, лингвокультурология, пути ассимиляции в заимствующем языке, язык-источник, язык-реципиент.*

Заимствованные слова считаются одним из важнейших источников пополнения лексического состава любого языка в современной лингвистике. В связи с этим в языкознании разрабатываются и используются различные классификации иноязычной лексики, в частности по источникам заимствования (этимологии заимствованного слова). Некоторые немецкие лингвисты (Р. Гиндерлинг и др.) пришли к выводу, что лексикон немецкого языка включает слова из четырнадцати языков. Из довольно значительного количества иностранных языков зафиксированы заимствования в русском языке (Л. П. Крысин, М. И. Фомин, Н. М. Шанский и др. [5]).

Многофункциональность иноязычной лексики в языке-реципиенте – от заполнения языковых лакун до влияния на этнокультуру в целом –